

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой читателю книге собраны три статьи, посвященные крайне интересной проблеме корпоративного права — ничтожности решений собраний, а также тесно связанной с ней проблеме признания корпоративного решения недействительным не по признаку нарушения процедурного свойства, а по причине его экономической невыгодности миноритарным участникам корпорации.

Ничтожность решений собраний — тема, которая была в постановочном ключе обозначена автором в 2005 г. в небольшой журнальной публикации, с годами получила не только законодательное оформление, но и обросла значительной судебной практикой. В связи с этим автор решил вернуться к той же проблематике через полтора десятилетия и посмотреть, как изменилось российское корпоративное право за эти годы. Этому и посвящена первая статья сборника. В предлагаемой вниманию читателя статье автор анализирует судебно-арбитражную практику применения норм, регулирующих вопросы ничтожности решений собраний наиболее распространенных форм коммерческих корпораций — акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. При этом был проработан массив судебных актов по вопросу ничтожности решений общих собраний и советов директоров указанных организаций по новейшему законодательству, действующему с 2013 г. после того, как в ГК РФ была выделена специальная глава, посвященная решениям собраний. Выводы, к которым приходит здесь автор, довольно парадоксальны. С одной стороны, суды всячески противопоставляют общегражданские сделки и решения собраний, а также каждый раз указывают на то, что решения собраний не подчиняются нормам о сделках. С другой стороны, при разрешении практических казусов, особенно там, где тот или иной практический вопрос оказывается буквально не урегулирован законом, суды заимствуют как общие подходы из теории сделок, так и применяют напрямую нормы о сделках к решениям собраний. Особенно это характерно для вопросов, связанных именно

с ничтожностью решений собраний. Однако такое сближение в вопросах правопонимания (что есть решение собраний) и ничтожности юридических фактов (ничтожность решений собраний концептуально базируется на тех же подходах, что и ничтожность сделок) опасно для оборота: российские суды могут повторить печальный опыт широкого аннулирования сделок, но уже применительно к корпоративным решениям. Чтобы этого не произошло, автором предлагается развернутая программа политико-правовых мер, направленная на создание логичной и непротиворечивой практики признания корпоративных решений ничтожными.

В ходе анализа судебно-арбитражной практики признания (объявления) корпоративных решений ничтожными автор не мог не выделить отдельную группу корпоративных споров о признании недействительными решений собраний, тесно связанных с ничтожностью решений. Речь идет о делах, где решение собрания оспаривается истцом как оспоримое (иск заявляется не по основанию ничтожности решения), но вопросы, которые обсуждают суды при рассмотрении таких дел, а равно известный автоматизм при аннулировании таких решений, заставляют говорить о некотором сходстве подобных дел с исками о ничтожности решений собраний. Во всех этих делах суды рассматривали практические ситуации, когда истцы ставили вопрос о недействительности решений собраний не по мотиву допущенных ранее нарушений процедурного свойства (при созыве и проведении собрания, что типично для основной части дел по оспариванию решений собраний именно в контексте оспоримости), а потому, что ранее принятое решение экономически необоснованно или невыгодно миноритариям. Формально-юридически в таких спорах решение законно, т.е. принято с соблюдением всех необходимых процедурных норм корпоративных законов. Однако *по существу* — как полагают истцы-миноритарии — такие корпоративные решения недопустимы, а значит, недействительны. Подобный феномен, когда формально законное решение, принятое большинством участников корпорации, нарушает интересы меньшинства, а потому подлежит признанию недействительным, автор предлагает именовать контрماжоритаризмом (вслед за доктриной конституционного права). Именно этой проблеме посвящен второй раздел настоящего сборника.

Наконец, в завершающей части публикуется еще раз та самая работа 2005 г., с которой и начался исследовательский интерес автора к проблематике ничтожности решений собраний. Это позволяет понять, какую эволюцию прошло российское право за 15 лет в ре-

гулировании вопроса, что́ понимать под ничтожностью решений собраний.

Право развивается, пока о нем говорят, поэтому данный сборник, по скромному разумению автора, призван не дать ответы на все вопросы, а, скорее, поставить новые вопросы. Стимулирование научной дискуссии — вот в чем цель данной работы, а потому автор будет очень благодарен за любой будущий отклик со стороны коллег-юристов на сей скромный вклад в развитие российского корпоративного права.

НИЧТОЖНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ В СУДЕБНО-АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКЕ*

* Правовые позиции, приводимые в настоящей публикации, являются исключительно частным мнением автора и не отражают позиции адвокатского образования, в котором он состоит, а также не могут использоваться как предпосылки для составления представления о возможных правовых позициях такого адвокатского образования или его адвокатов в будущем. Все содержательные выводы, в том числе по интерпретации правовых позиций судов, остаются исключительно на совести автора.

Автор выражает огромную благодарность А.Г. Карапетову, Ю.В. Таю и И.С. Чупрунову за высказанные в ходе доработки статьи ценные критические замечания и предложения.

Статья была частично опубликована. См.: *Степанов Д.И.* Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 9. С. 142–200.

ВВЕДЕНИЕ

Данную работу можно было бы озаглавить как «Ничтожность решений общих собраний акционеров: пятнадцать лет спустя», поскольку автору захотелось вернуться к теме, ранее описанной в постановочном ключе¹, и посмотреть, что изменилось за прошедшие годы с момента, когда была написана первая российская работа на эту тему. За это время не раз менялись корпоративные законы, прошла масштабная реформа Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ, Кодекс), после чего в Кодекс была введена целая глава, посвященная решениям собраний. Однако самое важное — это то, что была накоплена существенная по объему судебной-арбитражная практика применения норм о ничтожности решений корпоративно-правовых образований. Кроме того, за полтора десятка лет проблематика решений собраний вообще и корпоративных решений в частности, а равно вопросы признания их недействительными (по основаниям оспоримости или ничтожности) получили глубокую разработку в юридической литературе российского гражданского права. Так что из малоизученной темы проблематика аннулирования решений собраний превратилась в один из ключевых блоков судебной практики рассмотрения корпоративных споров и науки корпоративного права.

Попытка осмысления произошедших перемен, предпринимаемая в настоящей статье, будет сделана через анализ судебной практики: главным образом, практики кассационных судов округов и высших судов по рассмотрению споров о признании недействительными по мотиву ничтожности решений корпоративно-правовых образований. При этом основной упор в анализе практики сделан на новейшие дела, рассмотренные уже после реформы ГК РФ в части решений собраний и корпоративного права, а именно после 1 сентября 2013 г. (1 января 2014 г., соответственно). Более ранняя практика судов, в равно многочисленные дела, посвященные оспоримости решений собраний, как

¹ Степанов Д. Ничтожность решений общих собраний акционеров // Корпоративный юрист. 2005. № 1. С. 28–31. Эта работа приведена в завершающей части настоящего сборника.

выходящие за рамки замысла автора, специально не анализируются, а если и приводятся, то лишь для иллюстрации точки зрения, утвердившейся по тому или иному вопросу.

Кроме того, по причине указанного замысла автора в статье специально не разбираются доктринальные точки зрения по частным вопросам оспоримости решений собраний, имея в виду, что критический анализ литературы вопроса предполагает ее самостоятельное научное исследование. При этом автор указывает основные источники и отмечает российских правоведов, ранее писавших на данную тему, а также по анализируемым ниже вопросам ничтожности решений собраний.

Таким образом, предметом изучения является новейшая судебно-арбитражная практика признания ничтожными (изначально недействительными, не порождающими правовых последствий, а потому не требующими специального признания недействительными в судебном порядке на основании отдельного иска) решений корпоративно-правовых образований, а шире — юридических лиц вообще. Главным образом в статье будут рассмотрены решения корпоративно-правовых образований, подпадающие под два корпоративных закона: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) и Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО).

Последующее изложение разделяется на несколько частей: сначала анализируется эволюция взглядов законодателя на ничтожность решений собраний и то, как эта эволюция отражалась в судебной практике; затем рассматриваются отдельные основания ничтожности в текущей практике судов, после чего выявляются новые, прямо не предусмотренные законом основания ничтожности решений собраний; наконец, в завершающей части анализа судебной практики даются прогнозы о том, как ничтожность решений будет распространяться на новые практические ситуации. После рассмотрения судебной практики автор дает развернутое политико-правовое рассмотрение отдельных проблем, связанных с ничтожностью решений собраний: детально анализируются каждое основание ничтожности; порядок рассмотрения исков, в которых заявляются требования со ссылкой на ничтожность; проблематика исковой давности, распределения бремени доказывания и прочие частные вопросы.

1. НИЧТОЖНОСТЬ РЕШЕНИЙ: ОТ ТЕКСТА ЗАКОНА К ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУДАМИ

Подход, согласно которому решение корпоративно-правового образования может быть квалифицировано как изначально не имеющее какой-либо юридической силы в связи с наличием грубых дефектов, допущенных при его принятии, был создан судебной практикой. Соответствующей нормы права, провозглашающей ничтожность как следствие определенных нарушений, применительно к решениям собраний в корпоративном законодательстве изначально не было. При этом суды буквально не именовали такие решения ничтожными, но, очевидно, провели полную аналогию с ничтожностью сделок — институтом, максимально близким к изначально недействительным решениям собраний.

1.1. Законы и судебная практика по вопросу ничтожности решений собраний, действовавшие до 2013 г.

Следует напомнить, что первоначальные версии двух базовых корпоративных законов исходили только из оспоримости решений собраний хозяйственных обществ, а дореформенный (до 2013—2014 гг.) текст ГК РФ вообще не содержал каких-либо положений на сей счет. Возможность признания решения собрания ничтожным была «открыта» судами, видимо, путем простой аналогии с ничтожностью сделок, тем более что в судебной практике 1990-х гг. споры о признании сделок недействительными составляли одну из наиболее распространенных категорий дел. Соответственно, суды применили к решениям собраний ту же логику и подходы, которые они применяли при рассмотрении дел о признании сделок ничтожными.

Так, возможность признания решения собрания не имеющим юридической силы вне зависимости от того, было ли оно оспорено кем-либо из акционеров в отдельном процессе, была впервые введена на уровне высших судов в п. 9 совместного постановления Пленума ВС РФ № 4 и Пленума ВАС РФ № 8 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”» (далее — Постановление № 4/8)¹, при этом основаниями ничтожности были названы:

- 1) нарушение компетенции общего собрания акционеров;
- 2) отсутствие кворума, установленного законом для принятия соответствующего решения;

¹ В настоящее время данный документ утратил силу.

3) принятие решения по вопросам, не включенным в повестку дня собрания акционеров или принятым по впоследствии измененной повестке дня собрания;

4) иные существенные нарушения законодательства, допущенные при принятии решения.

Буквально эти основания недействительности решений не были названы основаниями ничтожности, а сами решения собраний акционеров — ничтожными, как не было прямо провозглашено и деление решений собраний акционеров на оспоримые и ничтожные, однако по сути все это было сделано высшими судами именно тогда. Через два года схожие разъяснения были даны высшими судами уже в отношении обществ с ограниченной ответственностью (ООО)¹. Указанные случаи ничтожности, правда, в любом случае предполагали наличие судебного спора, где бы ничтожность проявлялась и констатировалась: пусть и не спора о признании недействительным того или иного решения собрания, но некоторого корпоративного спора, где одна из сторон ссылалась бы на конкретное решение, а другая — возражала, что такое решение не может быть применено в принципе, поскольку оно недействительно *ex tunc*, т.е. изначально не породило и не могло породить каких-либо позитивных правовых последствий. В таком случае нижестоящим судам указывалось на то, что вне зависимости от того, было ли решение собрания оспорено кем-либо из акционеров (участников) или нет, при рассмотрении спора, если будет установлено одно из указанных выше оснований ничтожности, суд должен исходить из того, что такое корпоративное решение не имеет юридической силы (в целом или в соответствующей части), и разрешить спор, руководствуясь нормами закона. Тем самым фиксировалась активная роль суда в констатации решения собрания как ничтожного: суд мог по своей инициативе признать его таковым даже в отсутствие формального заявления со стороны участника спора.

Важно, что если первые три группы оснований изначально недействительности решения собрания акционеров были описаны в Постановлении № 4/8 предельно конкретно, то последнее основание предполагало широкую степень судебного усмотрения, поскольку четких инструкций, что понимать под существенным нарушением законодательства или в чем состоит перечень таких нарушений, выс-

¹ См. п. 24 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 9 декабря 1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”».

шие суды не дали. Это, в свою очередь, создавало повышенный риск аннулирования значительного числа решений собраний акционеров. Связанный с неопределенностью риск того, что через какое-то время большое число решений собраний акционеров может быть объявлено ничтожными из-за «иных существенных нарушений законодательства, допущенных при принятии решения», был первой ошибкой, закрепленной в п. 9 Постановления № 4/8. Второй ошибкой, тесно связанной с указанным риском неопределенности, являлся изначально заложенный в подобном разъяснении конфликт с нормой действующего закона и практикой рассмотрения споров о признании недействительными решений собраний. Дело в том, что норма закона (п. 7 ст. 49 Закона об АО, а равно п. 2 ст. 43 Закона об ООО и правила иных законов о юридических лицах), описывающая основания и порядок признания недействительными решений собраний, изначально содержала в себе указание на обязательность оценки судами *существенности* нарушений закона, допущенных при принятии оспариваемого решения собрания. Суды при рассмотрении споров об оспаривании решений собраний могли (при условии установления обстоятельств, описанных в законе, дающих право оставить спорное решение в силе, например, когда при принятии такого решения было допущено какое-то незначительное нарушение закона) отказать в иске о признании решения собрания недействительным. Получалось, что при рассмотрении споров об обжаловании решений собраний как по основаниям оспоримости, так и по основаниям их изначально недействительности (констатации решения ничтожным) суды должны были в любом случае давать оценку того, является допущенное нарушение закона существенным или нет. Только в одной ситуации такая оценка приводила бы к недействительности по основанию оспоримости (а значит, возможно, и к отказу в иске), в другой — к ничтожности. Как разграничить эти практические ситуации, высшие суды не разъяснили, тем самым допустив вторую ошибку при издании Постановления № 4/8 (фактически основания недействительности для двух режимов признания решений недействительным были смешаны: и там, и там существенное нарушение закона могло приводить к недействительности решения). Но тогда как различить оспоримость и ничтожность? Очевидно, именно по причине этих ошибок нижестоящие суды не стали активно внедрять институт ничтожности решений, а потому практика в то время преимущественно склонялась к признанию решения действительным только по основаниям оспоримости: пока оно не оспорено в установленном законом порядке и не признано недействительным судом в отдельном процессе,

оно имеет юридическую силу. Стороне же по иному спору, не связанному буквально с аннулированием решения собрания, ссылающейся на его недействительность в силу существенных нарушений закона, следовало добиться его признания недействительным в отдельном производстве. Иными словами, на первых порах, несмотря на создание судебной практикой фигуры ничтожности решений, основным режимом признания решений собраний оставался режим оспоримости; ничтожность решений как отдельный институт в силу обозначенных дефектов правовой конструкции не получил широкого развития.

Тем самым можно констатировать, что сама идея ничтожности решений собраний была рождена судебной практикой, при этом на первых порах нижестоящие суды крайне настороженно подходили к объявлению того или иного решения собрания изначально недействительным и не требующим специального оспаривания на основании отдельно заявленного иска. Основания ничтожности решений, описанные чрезвычайно широко, также вызвали понятную настороженность у судов, рассматривающих корпоративные споры на ежедневной основе.

По прошествии шести лет с момента издания Постановления № 4/8 «каучуковая норма», позволявшая объявлять решение собрания акционеров недействительным изначально со ссылкой на «иные существенные нарушения законодательства», была наконец-то исключена из перечня оснований для признания решений собраний ничтожными, а сам перечень приобрел закрытый исчерпывающий характер. Правда, сделано это было опять не на уровне закона, а путем издания очередных разъяснений высшего суда. Так, в п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”» фактически была дана юридически более корректно изложенная версия прежней же нормы: «в случаях, когда стороны, участвующие в рассматриваемом судом споре, ссылаются в обоснование своих требований или возражений по иску на решение общего собрания акционеров, при этом судом установлено, что данное решение принято с нарушением компетенции общего собрания (пункт 3 статьи 48 Закона), в отсутствие кворума для проведения общего собрания или принятия решения (пункты 2, 4 статьи 49 и пункты 1–3 статьи 58 Закона) либо по вопросам, не включенным в повестку дня собрания (пункт 6 статьи 49 Закона), суд должен, независимо от того, было оно оспорено кем-либо из акционеров или нет, оценить такое решение как не имеющее юридической силы и разрешить спор, руководствуясь нормами закона».

Как видно из простого сопоставления текстов 1997 г. и 2003 г., идея ничтожности решения собрания акционеров была увязана с вопросом о том, могло ли конкретное решение быть принято в принципе: если с учетом предписанных законом процедур такое решение вообще не могло появиться на свет, то оно ничтожно *ab initio*. Итак, с 2003 г. перечень оснований ничтожности был описан исключительно в рамках указанной логики, поскольку ушли иные основания ничтожности в виде размытых критериев «существенного нарушения закона», причем юридико-технически перечень оснований ничтожности был закрытым и включал в себя четыре основания ничтожности: (1) отсутствие компетенции, (2) отсутствие кворума, (3) отсутствие необходимого большинства голосов, (4) невключение вопроса в повестку дня собрания. Тем самым была создана компактная и довольно простая в применении норма, которая, с одной стороны, имела упреждающий характер для недобросовестных участников оборота, для которых исключалась фабрикация липовых решений собраний, с другой стороны, суды могли применять эту норму без необходимости включать дискретное усмотрение и оценочность в суждениях (было ли такое-то нарушение существенным или нет).

Однако у разъяснения 2003 г. тем не менее было два недостатка: во-первых, оно касалось только акционерных обществ, а значит, на иные организации не распространялось, хотя применительно к ООО те же вопросы ничтожности стояли не менее остро; во-вторых, норма права, созданная судами, формально не имела основания в законе, из-за чего сохранялся риск неприменения ее отдельными судами, включая суды общей юрисдикции, ведь для последних разъяснения Пленума ВАС РФ формально-юридически не носили обязательного характера. Подобные недостатки были устранены в ходе внесения очередных поправок в корпоративное законодательство.

В рамках разработки в 2008 г. и принятия в 2009 г. так называемого антирейдерского пакета поправок обозначенные проблемы были в целом сняты. Специальным законом¹ на уровне федерального законодательства впервые были закреплены унифицированные для хозяйственных обществ и кооперативов нормы о ничтожности решений собраний, при этом проводилась единая логика регулирования (решение ничтожно, если оно при допущенных нарушениях в принципе не могло быть принято как решение участников конкретного юридического

¹ Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

лица), хотя и учитывалась специфика отдельных организационно-правовых форм.

Простое текстуальное сравнение поправок 2009 г. с Постановлением Пленума ВАС РФ № 19 показывает, что текст закона во многом повторил то, что ранее сказал Пленум ВАС РФ. Так, для собраний акционеров (п. 10 ст. 49 Закона об АО) ничтожность решений возникала каждый раз, когда были допущены следующие нарушения:

1) принятие решения по вопросам, не включенным в повестку дня общего собрания акционеров (если в нем не приняли участие все акционеры общества, иначе, очевидно, акционеры могут исправить данное упущение);

2) принятие решения с нарушением компетенции общего собрания акционеров;

3) принятие решения при отсутствии кворума для проведения общего собрания акционеров;

4) принятие решения без необходимого для принятия решения большинства голосов акционеров.

Указанный перечень оснований ничтожности был повторен для ООО и кооперативов, за исключением п. 2–3 (ср. п. 6 ст. 43 Закона об ООО и специальные законы о кооперативах). В вопросе, касающемся кворума, подобное исключение для ООО объясняется тем, что институт кворума собрания — это типичная черта акционерного законодательства (в иных корпоративных законах в качестве обязательного института он не предусматривался, поэтому нарушение правил о кворуме для ООО и кооперативов нерелевантно). Принятие собранием решения в нарушение компетенции, если речь идет об ООО или кооперативе, также не должно влечь за собой ничтожность, поскольку распределение компетенции между органами непубличной корпорации — это вопрос, касающийся ее участников, поэтому как решат участники такого юридического лица, так эта компетенция и будет реализовываться. Нарушение же правил о компетенции, когда высший орган управления (собрание участников) принимает то или иное решение, даже если это решение находится в компетенции иного органа, по сути производного от общего собрания участников, не должно предполагать ничтожности решений, если соблюдены процедурные гарантии принятия таких решений (созыв собрания, большинство голосов и проч.), а вопрос оценки соблюдения таких гарантий — это режим оспоримости решений, т.е. общий режим признания решений собраний недействительными.

Важной новеллой поправок 2009 г. стало распространение режима ничтожности на решения собраний, если собрание проводится не на